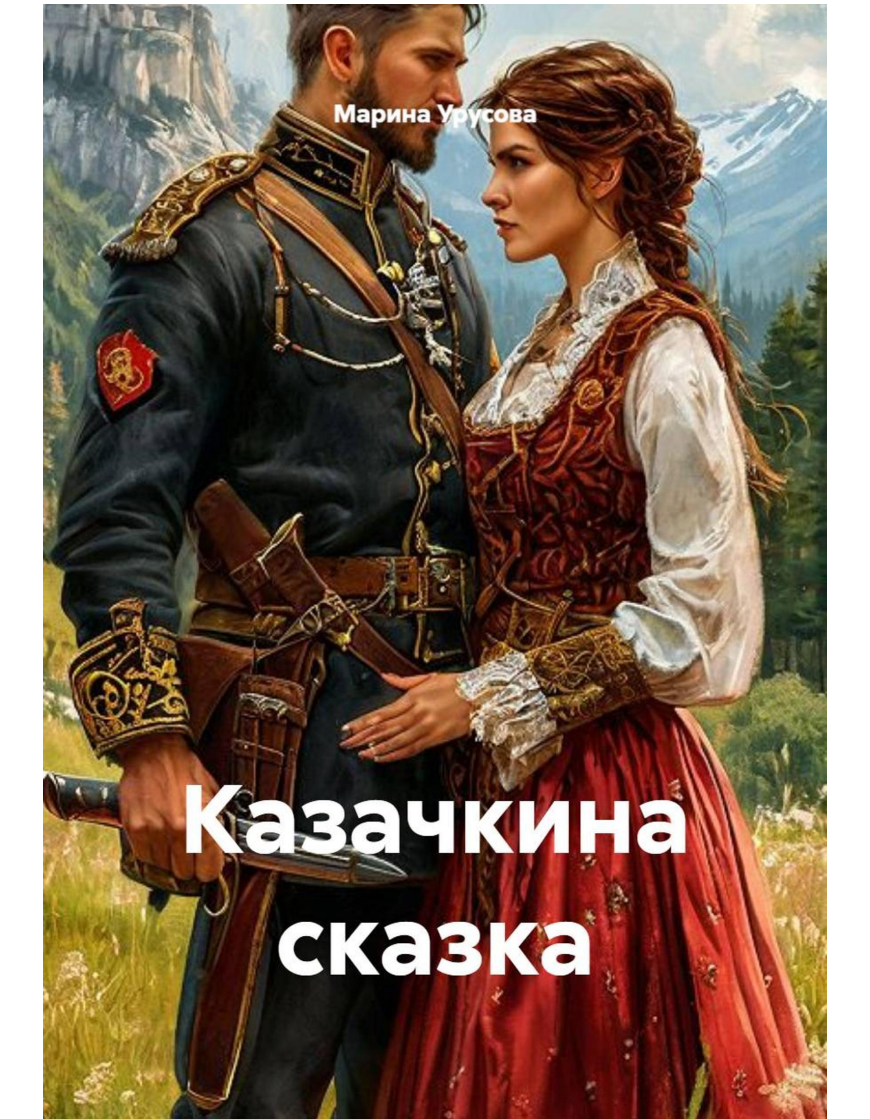

A romantic illustration of a Cossack man and a woman in a mountain landscape. The man, on the left, is dressed in a dark blue military-style uniform with gold embroidery, a high collar, and a red patch on the sleeve. He has a beard and is looking towards the woman. The woman, on the right, has long brown hair in a braid and is wearing a white lace-trimmed blouse under a red vest with intricate gold patterns. She is looking back at the man. They are standing in a grassy field with snow-capped mountains and a forest in the background. The text 'Марина Урусова' is at the top, and 'Казачкина сказка' is at the bottom.

Марина Урусова

Казачкина сказка

Марина Урусова

Казачкина сказка

<https://litres.ru/74289299>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ждёт казачка домой мужа с войны да сказки сыновьям рассказывает. То про то, как батька немецкого генерала в плен взял, то как дед с турками рубился.

А в этот раз другая сказка - про сторожевого казака Пантелея да жену его Марьюшку, про лесную ведьму и злобного колдуна.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марина Урсова

Казачкина сказка

Глава

Прибежали мои огольцы с улицы – есть хотят, кричат как галчата. Рыжий Сёмка и белесый Митька. Один на батю похож, другой – на деда. Лихие будут рубаки. Вона как с кашей да взваром управляются. А наедятся – сказку попросят про то, как их батька германского генерала в плен взял, или про то, как дед к басурманам в тыл ходил. Что с того, что не было этого! Подростут – поймут, где - правда, а где – ложь.

Доля наша такая бабья – то встречать казаков, то провожать их в дальние походы. И ждать. Ох, как долго ждать приходится, когда они домой вернутся. А пока казаки воюют, мы детей растим, да сказки им складываем о том, какие подвиги их батьки совершают, как лихо они всяких супостатов лупят. Слушают казачата, раскрыв рты. Смеются, если весело, плачут, если страшно. И невдомек им, что иные мамки все это не столько для них, сколь для себя выдумывают. А на сердце – камень тяжелый: где-то мой супругник, да что с ним?

Только не хочется сегодня про Гришу или папаню врать. На душе беспокойно, словно случиться что должно. Тут не

навредить бы казакам своим! Нет, сегодня другая сказка будет.

- Ну, что ж, слушайте, чадушки...

Было это, когда еще ни батька, ни дед, ни я на свет не родились.

Жил в нашей станице казак Пантелей. Прадед его пришелым был. Откуда приехал – никому не говорил. Просто поставил курень свой на отшибе – у самой реки. Гостей не призывал. Как кто к тыну приближался, казак на порог с шашкой выскакивал: «Не подходи! Порубаю!» Так всех любопытных отвадил. Уж, отчего он к людям задом поворачивался, никто не понял. Но заподозрили казаки, что место для куреня нарочно выбрано было, чтобы никто не знал, что творится там темными ночами. Людская память на хорошее короткая, а худое помнится долго. И хоть ни за прадедом, ни за дедом, ни за отцом Пантелея ничего предосудительного замечено не было, все одно в сторону куреня того станичники косились недобро.

Жил казак небогато, потому как ни перед кем спину не гнул. В походах не хуже других воевал, да наград не получил – слишком горяч, да строптив был. Атаман ему – слово, а Пантелей в ответ – два!

Хороша была жена у казака! Статная, высокая. По улице к колодцу не шла, а плыла, словно лебедь белая. Румянец во всю щеку, брови дугами над глазами изгибаются, ресницами

взмахнет – ветер поднимает. Улыбнется – как солнце теплыми лучами по коже погладит. Ни один казак в станице не мог мимо пройти и не заглядеться. Иные и за коромысло хватались – помочь пытались. Да Марьюшка ни на кого, кроме Пантелея своего глядеть не хотела. Бабы ревновали мужей своих, потому плели про неё небылицы. Но худая молва к Марьюшке не приставала, как с гуся вода стекала.

Родителей казак с казачкой давно схоронили. Из всей родни только младший марьюшкин брат Фрол остался, да трое сынков бог им дал. Пантелей Фролку как родного принял. Воинской доблести обучал, работать много не заставлял, но за проказы наказывал без жалости. И парень хороший вырос! Семнадцать годков ему было, а в плечах – косая сажень. Ростом и силушкой тоже бог не обидел. Тройку лошадей на скаку остановить мог, подковы гнул. Чуб черный из-под фуражки, бывало, на глаза зеленые навесит, чтобы никто не узнал об чем думает. А потом вдруг и удивит всех. То какую-то игрушку хитрую смастерит, то на гулянии шутку выдаст такую, что все вокруг от смеха плачут.

За нрав ли добрый да характер веселый, за другие ли какие заслуги, но отчего-то казачка этого станичники за своего признали. Словно не в пантелеевом курене, а в чьем другом вырос. Старики его внукам в пример ставили, казаки матерые в атаманы прочили. Девки на Фрола заглядывались, парни в друзья набивались. Да он не со всеми водился, цену себе знал. Только три друга у него и было – Мишка, Никит-

ка да Николка. Завсегда в дружбе кто-то первым становится. Так казачкин брат и верховодил этой троицей. И чего уж они вместе не вытворяли! Всего и не перечислишь. За то часто их за уши драли, вожжами пороли, да все не в прок!.. А однажды Фролка младшему атаманову сынку бока намял. Ох, и аукнулось потом это всей станице!

Старший сын у атамана задался хорош – казачина лихой. К двадцати годам в есаулах ходил. А младшой – хилый да бледный, глазами слаб, на ноги не скор. Сразу ясно было – не воин и не работник. Батька с горя его в бурсу отдал. Да все сокрушался – не такой растёт, каким казак быть должен. Весь год в городе парнишка жил, а на лето к родителям в станицу приезжал. Мать-то любому своему чаду рада, а батьке – морока. Нахватался бурсак наук разных, и говорить-то стал непонятно. Хоть толмачей зови. От родителей нос воротит, всем недоволен. Барчук какой-то получился.

Отправил его батька как-то с малыми казачатами на речку – жеребца купать. Тот поплескался с конём немного, да на спину седло ему и накинул – охлюпкой-то ему ехать зазорным показалось. Фролка это увидал, кулаками поучил, да бурсак вырвался и ускакал. Виданное ли дело седло на мокрый круп надевать? В один момент потер кожу коню так, что батька на то глядя заплакал. И сам сынку пониже спины вожжами добавил после фролкиных-то кулаков. Бурсак из дома-то от обиды сбежал. Родителям, стервец, записочку оставил: «Не ищите, ушел учиться, подался за границу!» Это уж

потом выяснилось, куда он делся. Ну, да бог с ними! Сказка не про атамана с сыновьями. Хотя и они в ней не последнюю роль сыграли!

Так вот, жили Пантелей с Марьюшкой тихо-мирно. Дети по горнице бегали, казачка хлеб в печь сажала, да казачат от батьки тряпкой гоняла, когда шалили. Все как у людей – и радости, и горести были. Да пришел год, когда вся жизнь кувырком пошла. Приключилась засуха великая – все посе-вы в поле сгорели. Станичники пояса потуже затянули. Старые запасы, да, сады и огороды выручили. Только Пантелею с Марьюшкой как-то по-особому не повезло – саранча огород обглодала. И это когда Фролке впору справу начинать готовить, коня покупать! От безнадёги подался Пантелей в другие станицы наниматься, господам из города служить. Но долго задержаться нигде он не мог – характером не сходиллся!

Мало было горя-печали, пропал Фрол с дружками. Охотиться ушли в лес, и сгинули, как не бывало их! Про лесок тот поговаривали будто сам собой посреди степи вырос, когда еще старики детьми были. Да с той поры на одном месте не стоял, а перебегал - то ближе к жилью подберется, то отодвинется. Люди там и раньше пропадали - кто поодиночке, а кто и ватагой. Марьюшке бабка сказывала, что «кузнеца с подмастерьем за каким-то бесом туда понесло. Сгинули, болезные! Упокой, Господи, души рабов Твоих – Петра и Павла!» Грешили люди на ведьму, что жила в самой чаще. Уж сколько раз казаки собирались избу ее поганую спалить,

да найти не могли. Правда, болтали про нее по-разному. Не знали, что и думать – то ли ведьма, то или знахарка.

Только начали Пантелей с Марьюшкой привыкать к потере Фрола – новая напасть грянула! Однажды вечером, когда дети уже спали, раздался стук в окно. Выглянул казак на двор, а его за шиворот – и к атаману станичному на расправу. Кто-то мешок зерна из амбара у того украл. Весь день он вора искал. А к вечеру нашептали злые языки, что это дело рук Пантелея. Мол, он это, больше некому – хороший человек на отшибе жить не будет, там только колдуны, да воры селятся. Да, и живут же впроголодь – вот и позарились на чужое, чтобы детей накормить. Атаман со старшим сыном курень перевернули, в огороде копали, в реке баграми шарили – ничего не нашли. И замылось бы все, да Пантелей не удержался и что-то атаману на ухо шепнул напоследок. Станичный голова под горячую руку и велел всыпать ему полсотни ударов плетью. Не всяк выдержит такое!

Пороли принародно – на главной площади. Да опосля этого бросили Пантелея на площади, как собаку! Со слезами и причитаниями Марьюшка казака своего к дому вела. А там он слег и больше не вставал. Словно камень к ногам привесили ему, валун на грудь положили.

Покражу вскоре нашли. Кто злее всех про Пантелея врал, сам мешок атаману принес. Никакого наказания казаку вороватому не назначили, потому как «повинную спину кнут не сечет». Пантелею тот мешок отдали – вину старались за-

гладить. Сам станичный голова в курень к казаку приходил – прощение просил. Только разве такое забудешь?

Казак болен, а много ли Марьюшка одна сделает? Ну, трав и кореньев баба соберет, силки поставит. Много ли в них попадёт? В работницы пойти – и то не может. В своей станице никто не берет, потому что казачки за мужей опасаются. А в дальние края не подашься – на кого Пантелея с детьми оставишь? Поначалу Марьюшка по соседним селам, станицам да хуторам ходила – меняла вещи. Да, если всю жизнь не досыта ели, не празднично одевались, надолго добра не хватит. Чем детей кормить, как мужа лечить да на ноги поднимать? Каждый день молила Марьюшка бога, чтобы помог. Но ничего не менялось – по-прежнему таял казак, плакали голодные дети. И решила казачка пойти к ведьме, которая жила в лесу. Может, хоть нечистая сила поможет?

Дороги никто ей не указывал. Выбрала баба самую темную ночь, когда только-только месяц нарождаться начал. Когда дети и Пантелей уснули, помолилась, закуталась в платок, и отправилась в путь. Думала, к рассвету туда и обратно обернуться. Да, не тут-то было!

Ночью в степи ли, в лесу ли одинаково страшно и опасно – волки рыщут, филины кричат или просто чудится, что кто-то в спину смотрит недобрым взглядом. Как долго баба по лесу плутала, никто не знает. Поначалу сама дорогу выбирала, а потом лес её направлял. То прогал между деревьев мелькнет, словно зовет: «Иди сюда!» А то филин ухнет – напугает, как

будто гонит в другую сторону. Страшно казачке. Повернула бы домой, да сыновья перед глазами стоят, есть просят. Так и забрела в самую чашу. Видит - стоит развалюха на тощих куриных ногах и приплясывает! Ни окон, ни дверей нет, но над трубой дымок вьется.

Слышала баба сказки в детстве, потому перекрестилась, ногой топнула и приказала:

- Избушка-избушка, встань ко мне передом, к лесу задом!

Как захохотало вокруг, как заухало! Земля трясется, деревья в три погибели от смеха загибаются! Филины, словно лошади, ржут! Одна избушка на месте топчется – оглохла от старости! У казачки от такого шума уши заложило. Хотела она еще раз попросить, да тут в стене само собой окошко прорезалось, а из него девица выглянула:

- Чего надо, глупая баба?

Пригляделась казачка к ведьме, и ахнула. Уж на что сама Марьюшка хороша, а колдовка-то краше будет. Бледная, как Богородица, брови черные тонкие, а глаза – озера. Вокруг лица копна смоляных волос вьется. И не старуха это, как в сказках сказывают, – девчонка совсем. Лет пятнадцать ей – не больше. Хотя, кто же ведьмины года считает? Морок на доброго человека навести ей – одна забава.

Спохватилась казачка, что стоит столбом, как последняя дура, поклонилась до земли:

- Помоги, девица! Не знаю, что и делать! Муж умирает, детей кормить нечем.

Нахмурилась красавица в окошке. Но головой кивнула – заходи, мол. Тут марево перед домишком встало, в глазах у казачки зарябило. А когда прояснилось, то увидела баба, что у избушки крылечко резное появилось, дверь открылась дубовая. Поднялась казачка по крылечку. Как в горницу ступила, под ноги кинулось что-то мохнатое. Пригляделась – чудной зверек! Голова кошачья, тело – крысиное, лапы и хвост по виду ветки и коряги напоминают, но двигаются, как живые. Трется головой о бабью юбку и пищит, словно, сказать что-то хочет. Да не понимает его казачка. Досадно ей, что этакое чудо пристало. И отпихнуть жалко, и обойти не удастся. Тут ведьма прикрикнула на зверька, он за печку и спрятался. Смотрит баба по сторонам – интересно знать, как колдунья живет. Чисто у нее в избушке, ладно, но чудно как-то. По углам незнакомые травы развешаны – такие духмяные, что в глазах темнеет и ноги подкашиваются. Головами вниз мертвые сороки висят. На печке котелок булькает. Цвет у варева болотный, а запах неприятный. Другой посуды не видеть, только плошка у порога для зверя невиданного поставлена. На полу дорожка тканная, цветами изукрашена. Кровать лоскутным одеялом застелена, и подушки горкой одна на другой. На столе – карты веером разложены. Хозяйка над ними склонилась – то ли рассматривает, то ли колдует.

Посмотрела Марьюшка, подивилась – на картах-то картинки живые. Вся станица – один к одному. Вот бабка Васена клюкой деду своему лысину полирует. А вон сама атаман-

ша Любаня! А кто ж ей под нос кукиш сует и срамотит? Да, это ж сам атаман – всем казакам пример. Никогда Марьюшка такими станичников не видала! Словно, сглазил людей кто – не лица, а рожи перекошенные! Ведьма, и та головой качает.

И вдруг углядела баба Пантелея. А вот и марьюшкина карта поверх мужниной легла. Из всей колоды только пять карт нормальных и нашлось – казак, казачка да казачата. Посветлело лицо у колдовки. Начала колоду тасовать да раскладывать как-то по-хитрому. Казачке по ходу дела рассказывает:

- Не ты одна и казак твой - вся станица погибнуть может. Большой силы колдун это сделал! Не всякому дана мощь с ним сразиться. Вот разве только Пантелею твоему. Против него один на один злодей выйти не смеет. Потому слуг себе нашел – из тех, кто в лесок наш заглядывал, да запропал ненароком. Мало ему этого показалось, на станицу вашу глаз положил. Души казаков к рукам прибирать начал. И помощники ему в том деле нашлись. Хочешь мужа и детей спасти? Если себя не пожалеешь – всех из беды выручишь.

Страшно Марьюшке, и обидно. Ну, добро за Пантелея и детей жизнь отдавать, а почто за станичников-то? Слова хорошего от них не слыхала, помощи не видала. Да, пропади они все пропадом! Думает так баба, да слезы утирает. А ведьма хмурится, ногой от нетерпения пристукивает. Знает колдовка, что казачки себя не жалеют, если кто мужа или детей обижает. Понимает негодная девчонка, какой ответ будет. Махнула баба рукой отчаянно:

- Согласна!

А у ведьмы уже наготове чарка с зельем, которое она велит выпить. Перекрестилась казачка и махом проглотила. Как будто огнем опалило все тело, а потом по жилам холод пошел. Была баба живая, стала – ледяная. Звенит на сквознячке, инеем по полу сыпет. Девушка же трижды вокруг казачки обошла, приговаривая:

- Как огонь против льда горой, как вода против камня стеной, как скала по над пропастью той, где встречается небо с землей, так и ты против всякого зла нерушимой твердой стой. Серебро, чугун да медь, отведите смерть! Архангел Михаил, защити мечом, Архангел Гавриил, прикрой крылом рабу Божию Марию! Аминь.

Тяжестью налились руки-ноги казачки. В одночасье стала баба непробиваемой. Хоть из мортиры по ней лупи, хоть из гаубицы. Повернуться не может – погрузнела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.